

ПУШКИНСКИЙ ЛИЦЕЙ – РУССКАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЕЧТА

Лицей – самая жизнеспособная, живучая, самая перспективная русская утопия.

Изначальное предназначение лицея было – вырастить новое поколение русской элиты. Элиты культурной, государственной, политической, юридической.

И он очень наглядно показал собою, что получается в России из таких намерений. Ведь в результате Лицей вырастил великолепное поколение оппозиции.

Впрочем, некоторые из первого выпуска, числом три, сумели вписаться в государственную концепцию. Но даже они, за исключением Горчакова, были задвинуты на вторые роли. И именно в силу своей деятельной роли никогда не хватало чинов. Вместе же они в своей совокупности дали удивительный срез талантливого поколения.

Надя Рушева «Лицейисты»

Двое – в каторге, один – государственный канцлер, один – величайший русский поэт (и этим существование всей русской педагогики уже оправдано). Остальные (за исключением пятерых, умерших в ранней юности) – честные работники на вторых ролях без какой-либо государственной перспективы. Хотя замышлялись великие посты и великие карьеры!

А.С. Пушкин

В.К. Кюхельбекер

И.И. Пуцин

А.М. Горчаков

**В основании любой русской утопии лежит проект власти.
Царскосельский лицей не имел бы той славы, того авторитета, если бы этот бренд не исходил непосредственно от власти.**

«Дней Александровых прекрасное начало»:
1810 год. Александр I обдумывает гигантскую систему реформ.

Александр задумал для своих младших братьев Николая (родился в 1796 году) и Михаила (1798) лицей, в котором бы они обучались вместе с дворянскими детьми.

До сих пор в русской истории ничего подобного не бывало. Представить себе императорских братьев, которые обучаются в прямом общении не только с дворянскими детьми, но и с талантливыми выходцами из обедневших родов – мы не можем. И правильно, что не можем. Потому что этот замысел не состоялся.

Проект разрабатывал Михаил Сперанский, который 11 декабря 1808 года представил императору «Проект предварительные правила для специального Лицея». Но только 12 (24) августа 1810 года государь подписал указ о создании лицея.

К этому времени либеральные идеи уже не столь привлекали Александра. Война с Францией становилась неизбежной, и это плохо сочеталось со свободомыслием. Большинство придворных «либералов» уже получили отставку, их места заняли люди консервативного толка — Балашов, Аракчеев, князь Александр Голицын. Сперанский оказался в опале.

Его идеи о составе преподавателей и программы обучения были отвергнуты.

Был пересмотрен состав преподавателей и программы, которые подбирались непосредственно под царствующих особ. В результате учащимися стали дети знати, в том числе и обедневшей. Отбор осуществлял сам министр просвещения Разумовский.

М.М. Сперанский

Несмотря на суровую помпезность экзамена, на всю трудность попадания в лицей, открытие его было государственным праздником. День 19 октября 1811 года запомнился воспитанникам на всю жизнь и широко освещался в печати. Это стало событием историческим.

В.Ф. Малиновский

На нем присутствовал лично государь – Александр, лично Разумовский. Малиновскому, будущему директору – историку, философу, правоведу, теоретику всеобщего мира – не разрешили произносить заготовленную речь о всеобщем мире. Всеобщий мир, конечно, мечта народов, но обстановка не соответствовала: все пахло войной. В результате он невнятно, слабым голосом прошептал свою речь, не имевшую успеха.

Зато Куницын, член комиссии Сперанского, сразу потряс лицеистов звонким голосом и яркой речью. Его речь знаменита тем, что за 15 минут Александр в ней не был упомянут ни разу! Самого царя это так потрясло, что Куницын получил за эту речь Владимира IV степени. Действительно, редкое явление. Все ожидали благодарения Александру. А Куницын говорил о том, что самым естественным правом человека является свобода. По тем временам это было очень смело. Эта речь сразу настроила на праздничный, торжествующий, ликующий лад.

Александр Петрович Куницын

Затем состоялся знаменитый обед. Бульон с пирожками, который описывал Пущин, его все помнили... Затем произошел эпизод, за который Корнилов и получил кличку «Месье». Императрица спросила его, хорош ли суп. Корнилов был потрясен, смешался, отвечал «oui, monsieur» и кличка прилепилась надолго.

Вот это, повторю – первая составляющая русской педагогической утопии: ее властное происхождение.

Вот хоть и не учатся с нами братья царя Константин и Николай, но суп-то с их стола! И авторитет власти, желающей изменить отечество, стоит за этим. Напоминалось, что растет новая властная элита, для них будут готовые первые государственные места...

Хотя в реальности одним достанется каторга, другим ранняя смерть, третьим опала.

Вторая, исключительно важная составляющая этой утопии: лицей – это мужская жизнь. Не может быть по-настоящему строгим и аскетическим воспитание в смешанном учебном заведении.

Атмосфера мужской школы, по-британски закрытой, с ее строгостью, вечными разговорами о девочках и недопущением к ним, с мечтами, с больным воображением – все это инструменты той невротизации, с которой выросли лицеисты.

Лицей – мужской монастырь, где у каждого своя комната, где неизбежно возникают шалости с фрейлинами. Как, например, история с Пушкиным – он обнял престарелую старшую фрейлину, думая обнять молодую... Государь выразил Энгельгардту резкое недовольство происшедшим, мол, «твои бегают трясти яблоки из моего сада, это еще можно стерпеть, но тискать моих фрейлин! С этим смириться уже невозможно!» Энгельгардт сумел Пушкина защитить, объяснив, что Пушкин хотел обнять служанку, молодой, мол, глупый. На что царь, в конце концов, улыбнулся и сказал: «Ладно-ладно, будем считать, что старуха в восторге от его ошибки».

Именно это мужское общение, стремление к недозволенному, мысли, богатое воображение создало невротиков. Не как у англичан, конечно, где в мужских школах традиционное мужеложство. В российском обществе это как раз порицалось. У Пушкина много гомофобных эпиграмм. Но напряженная атмосфера, излишние строгости режима на фоне страстного стремления к свободе и блеску и привели лицеистов к стремительной карьере.

Хотя надо сказать, что почти никто из лицеистов не был счастлив в личной жизни. Кроме несчастного Дельвига, который страстно любил жену. Но он-то менее всех был подвержен эротическому психозу. Ему кроме лени и выдумывания абсолютно правдоподобных небылиц ничего не было нужно. Остальные же в браке не были счастливы. С другой стороны, люди не скованные семейными узами, легко к ним относящиеся, как раз и могут двигать историю вперед. (Пушкин, например, имел дочь от крещеной бурятки, любил и заботился о них, но о женитьбе не помышлял).

Третья очень важная составляющая русской педагогической утопии состоит в том, что русский человек должен быть занят постоянно. Любой момент, когда он НЕ занят, когда он свободен, используется для отлынивания от деятельности, и это развращение ума. Надо постоянно работать, постоянно себя совершенствовать. Это как велосипед – если он не едет, он падает.

Учебный год в лицее прерывался на месяц лишь в июле, но даже в каникулы воспитанники оставались в Царском Селе.

К услугам лицеистов был великолепный Царскосельский сад, вся жизнь царского двора, проходящая перед ними... Александр в память бабушки сделал Царскосельский дворец самым престижным местом Петербурга, а может и всей Европы. Зачем каникулы?

О том, что каникул не будет, и в течение шести лет они не увидят своих близких, лицеисты и их родные узнали только в первый месяц обучения. Когда об этом сказал Малиновский, начались рыдания! Представить себе никто не мог, что шесть лет они не будут покидать эти стены. А между тем, потом эти шесть лет они вспоминали как время наибольшего счастья. Почему? Мы всегда испытываем счастье не тогда, когда больше подарков судьбы, а когда испытываем наибольшее напряжение, наиболее сильные эмоциональные перепады.

В этом замкнутом сообществе кипели чувства. Ощущение счастья от контакта с внешним миром было очень кратковременным и эфемерным. Для лицейцев приход родных, приход родителей (только по праздникам) всегда был грандиозным событием.

Лицей – это место жёсткого воспитания. Каково домашнему ребёнку в чужой закрытой среде? В лицее не всем было хорошо.

Бедный Кюхля, герой «кюхлериады», несчастный адресат бесчисленных эпиграмм и карикатур! Кюхля был непоправимо надломлен именно лицеем.

Пушкина дразнили и доводили этим до бешенства. Горчакову тоже доставалось, и именно тогда он выковал в себе дипломатическую стойкость.

Сильный Данзас, по кличке Медведь, да толстый «Большой Жанно» – увалень Пуцин – только они могли постоять за себя. Данзас до 70 лет не давал спуску обидчикам, недаром Пушкин взял его в секунданты, да и понятие чести у него было высоким.

Остальные переживали в лицее нелегкие времена. Комовский по кличке «Лисичка», «Смола», умевший приклеиться к сильному; Иличевский получил славу сластены и подхалима; нелегко было Матюшкину, которого дразнили «плавать хочу» – его тянуло в море и ничего больше его не занимало.

Ребенок, отторгнутый из семьи, недополучает очень много, но получает феноменальную социализацию.

Лицейсты находились под постоянным присмотром. Несмотря на то, что на занятия отводилось всего 7-8 часов на дню, лицейсты были заняты ежеминутно. Это прогулки – всегда под присмотром. Это делание уроков – всегда присмотром. Это обязательное посещение библиотеки – под присмотром – куда выписываются все главные журналы, русские и зарубежные. Это самостоятельные занятия, о которых тоже нужно отчитываться, т.к. лицейсты должны были сдавать определенное количество стихов, теоретических рассуждений, определенное количество рисунков.

Все лицейсты рисовали превосходно! Кстати, и Пушкин, к чьим мимолетным наброскам мы привыкли, там рисовал замечательные картины. Некоторые даже сохранились, например, «Собака с птицей в зубах».

Следующая очень важная и очень неожиданная составляющая русской педагогической утопии – гуманитарно-правовая направленность.

В России, где жизнь традиционно была жестокой, а то и зверской, нет ничего важнее смягчения нравов, нет ничего важнее гуманитарной культуры, которая учит слушать и уважать чужое мнение.

Нет ничего важнее и юридической культуры, которая учит независимому закону, всеобщей истории права. Этому была посвящена последняя работа лицейского преподавателя словесности Александра Галича. Галич, любимый учитель Пушкина, во время болезни Николая Федоровича Кошанского преподавал изящную словесность. Но главной его целью было

написать «Всеобщую историю права». Он работал над ней 10 лет. Это была фундаментальная книга, но она сгорела во время пожара, и сам Галич после этого уже не поднялся и через месяц умер.

Вот эта удивительная направленность лицейя – давать гуманитарное, юридическое, нравственное, историческое образование – это для русской утопии необходимо. Потому что этого в России не хватает более всего.

Профессора, кроме Давида Ивановича де Будри, были молодыми людьми до 30 лет. Еще одним новшеством было то, что «главные науки» преподавали русские педагоги, а не иностранцы. Хотя у некоторых из них и был опыт зарубежного обучения.

Так, любимый преподаватель Пушкина Александр Петрович Куницын, Иван Кузьмич Кайданов и Яков Иванович Карцов, окончив Петербургский педагогический институт, были отправлены для продолжения образования в Геттинген, Йену и Париж. И по прибытии назначены профессорами в Лицей.

*Иван Кузьмич
Кайданов*

*Василий Фёдорович
Малиновский*

*Яков Иванович
Карцов*

*Александр Петрович
Куницын*

Малиновский, первый директор лицея, автор работ о вечном мире и классический русист был очень добрый, но при этом чрезвычайно твердый человек. Он завел абсолютно новый стиль общения с детьми. Этот новый стиль и характеризует гуманитарно-правовую культуру. С 12 лет к лицеистам обращались на «ВЫ», по фамилии, присовокупляя непременно «господин». Что создавало очень интересную среду. Оберегая от панибратства, это ставило преподавателей и учеников на равную ногу.

Эта форма общения, которая была принята, удивительным образом Пушкина сформировала. Пушкинский ледяной, устанавливающий дистанцию юмор в противовес дружеским шуткам – это как раз замечательная лицейская школа. Уважительные отношения с детьми при сохранении дистанции – то, что для Пушкина всегда было главным.

Очень важным был универсализм образования. В каждом старались поощрять, развивать важное и интересное для ученика. В Пушкине – интерес к поэзии, в Матюшкине – любовь к географии, в Яковлеве – к театру, изданию альманахов и т.д. Но все это существовало на фоне фундаментального универсального образования.

Главный тон в лицее задавали четыре знаменитых «К»: Кошанский, который преподавал латинскую и русскую словесность; Куницин, который преподавал право и историю права; Кайданов, который преподавал историю и был автором учебника истории («когда он рассказывал, все цвело и благоухало», писали о его лекциях...); и Карцев, который умудрялся даже самым непонятливым, таким, как Пушкин, внушить понятие о величии математики: если не понимаете, то все равно представьте, как это превосходно!

Вот пять фундаментальных направлений, по которым обучали в лицее: изящная словесность; музыка; атлетика и спорт, которые идут по разному разряду гармонического развития; математика и физика; история и античная и российская; и конечно, право.

Сперанский и его питомец Куницын полагали, что Россия закона пока не знала и именно история права и изучение всеобщего права поможет развитию России. История права, римское право, всеобщее право стало основой воспитания в лицее. Преподают их Куницын. Пушкин сохранил к Куницыну благоговейное уважение и пиетет. А когда вручал ему в 1834 году экземпляр «Истории Пугачева», надписал: «С преклонением и благодарностью».

Почему к Куницыну, которому в 1811 году - всего 30 лет, было такое отношение? Он тем и замечателен, что в его манере преподавания, в его лекциях, в его разговорах с воспитанниками напрямую реализуется его собственная программа. Он демократичен, увлечен, свободен от прописей (учитель, говорящий «без бумажки», всегда вызывает уважение) и не требует, чтобы его конспектировали. Тем не менее, благодаря упорному, твердозадому, конспектирующему Корфу, у нас есть почти полный курс лекций Куницына – доходчивых и политически-острых. В 1837 году их напечатали в России.

Пушкин писал про Куницына,
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена».

Конечно, лицей не давал европейского воспитания. Лицей учил смотреть на жизнь не европейскими, а русскими глазами. Во многом это было predetermined войной 1812 года.

Чаадаев писал Пушкину, что «теперь Вы нашли свое предназначение, Вы – национальный поэт». Поэтому, для Пушкина и для Чаадаева воспитание национального духа и есть основа воспитания. В России национального духа нет пока, а есть дух запрета и насилия. Но быть национальным поэтом – это и значит болеть бедами нации и приветствовать ее победы.

Нет ничего плохого в патриотическом воспитании, если оно осуществляется во время войны 1812 года, а не в духе бесед про русский квас и в духе шапкозакидательской идеологии, что мы лучше всех. Национальный дух необходим! И если этот дух сочетается с просвещением, как в лицее, то это прекрасно!

Пушкин быстро менялся, быстро рос и первые лицейские годовщины его не очень привлекали. Он вообще на них не бывал. Ссылки, череда увлечений – ему было не до этого.

В 1825 году, не имея возможности приехать на встречу, Пушкин посылает вместо себя стихи, лучшие стихи, которые он когда-либо написал. Главное в настрое этих стихов не выстроенные единственно точные рифмы («роняет лес багровый свой убор...»), а

мучительная тоска по лицейскому братству. Тому самому, которое они еще недавно называли «скотобратством». Когда они и ссорились, и налетали на постоянные неприятности, говорили друг другу дерзости...

Но они были спаяны высочайшей целью, предчувствием своей высокой судьбы, сознанием избранности, сверходаренности. Ведь из них росли гении.

И я убежден, что когда нам придется (а нам придется) выстраивать новую педагогическую утопию, нам поможет опыт лицея. Он бесценен. Как бы мы не строили свою биографию, как бы не относились к педагогике как таковой, мы всегда будем помнить, что главная национальная святыня – Пушкин!

И для всех нас, для всей русской гуманитарной культуры, которая и есть по-настоящему единственно ценное в России, остаются священными и всегда справедливыми слова:

***Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.***